

Константин
Норманс

Чужак.
Последний конклав

18+

Константин Нормаер

Чужак. Последний конклав

«Автор»

2026

Нормаер К.

Чужак. Последний конклав / К. Нормаер — «Автор», 2026

Италия, XIV век. Представители инквизиции затевают странную игру против древних богов, пытающихся вернуть себе былое могущество. Начинается борьба за власть, в которую оказывается втянут Китобой — наемный убийца из будущего, волею судеб попавший в чужую реальность, где пытается избежать заслуженного наказания за свои преступления.

© Нормаер К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Константин Нормаер

Чужак. Последний конклав

Глава

Чужак. Последний конклав

Книга 3

Aiutati che il ciel t'aiuta.

Помоги себе сам, и небо поможет тебе.

Глава 1. Колофоны

Монахиня оторвалась от тяжелого труда. Подняла взгляд на небольшое решетчатое окно и вздрогнула. На мутном стекле возникло и тут же исчезло призрачное очертание. Лицо женщины (а возможно, подростка) показалось сестре Пруденции знакомым. Но поскольку видение было скоротечным, монахиня решила не придавать этому особого значения и, немного размяв пальцы, вернулась к своей кропотливой работе. Сегодня необходимо было переписать еще двенадцать страниц великого труда «Огненные времена». Воспроизводить французские слова и витиеватые узоры в начале каждой страницы было делом не из легких. Да и в целом копировать Евангелие оказалось куда легче, чем труды пусть и великих, по мнению большинства, но все-таки мирян. Слишком уж чуждыми были их мысли для духовного человека.

— Дьявол тебя раздери! — раздался громогласный голос отца Гвидо.

А следом послышался испуганный вопль и глухой удар. По всей видимости, кто-то из послушников получил от него благочестивый пинок под зад, как любил выражаться сам священник.

— Господь благослови! — ответила сестра Пруденция, когда мужской голос раздался совсем близко.

Размеренным шагом Гвидо зашел в келью. Перекрестил монахиню-переписчицу и приблизился к окну, на котором еще не так давно красовался образ неведомого призрака.

Снаружи бушевала буря — воды Адриатического моря недовольно шумели, предрекая скорую промозглую осень. Венеция погружалась в пучину грядущей непогоды. Волны отчаянно ударили в каменные борта, послышался скрип деревянных опор. А следом за водным штормом мощный порыв ветра забил в ставни, заставив низкорослого и отягощенного огромным животом священнослужителя недовольно поморщиться.

— Дьявол дери эту мерзкую во всех отношениях погоду! — недовольно пробурчал отец Гвидо, используя свое любимое, но противоречащее церковным канонам выражение.

Впрочем, здесь была его вотчина, а потому только он — и никто иной! — устанавливал правила, повергая новых послушников в некое исступление. Даже падре-настоятель не смел перечить старому доминиканцу, который, словно истинный бунтарь, не признавал иных законов, кроме собственных.

— Осень в этом году и вправду ранняя, — скромно заметила Пруденция.

— В этом забытом Богом месте все всегда раннее. И дрянная погода тому не исключение. Как у дьявола под мышкой: влажная и смердящая илом! А еще эти вечные ветра, будь они неладны. Надо заметить, не самый лучший климат для моих больных легких. То ли дело Апулия или Сицилия! Вот где моя душа жаждет оказаться в самом ближайшем будущем!

— Я буду молиться за вас и ваш скорый перевод, отец Гвидо, — откликнулась монахиня.

— Молитесь, молитесь, добрая душа. Только — один черт! — епископ не подпишет мое прошение. Он слишком глух к подобным просьбам, — отмахнулся священник.

Оказавшись возле стола, он проверил, как идет работа над копированием книги, и недовольно поцокал языком:

— Медленно, очень медленно, сестра. Вы ведь помните, что десять копий мы должны сдать до конца новолуния, а у вас тут еще конь не валялся!

Пруденция виновато кивнула. Она и сама была не рада результату последних дней, но поделаться с этим ничего не могла. Ее руки деревенели, а пальцы отказывались слушаться, словно их сдерживала некая сила, заставлявшая излишне напрягаться и работать медленнее, чем обычно.

— Передохните, сестра, — внезапно предложил Гвидо. — Излишнее усердие достойно похвалы, только поможет ли оно, если разум и тело находятся в удручающем состоянии? Час отдыха — и вы будете напоминать радужную бабочку, а не квелого мотылька. И сделаете гораздо больше, чем если продолжите съедать себя поедом, испытывая свои силы на прочность. Уж поверьте моему жизненному опыту.

Сестра Пруденция немного помедлила, а потом все-таки решила согласиться с убедительными доводами священника. Гвидо был мудр, и стоило прислушаться к его советам, а не бороться с собственной усталостью.

— Пожалуй, вы правы, — ответила переписчица. — Думаю, половины часа мне будет вполне достаточно. Присяду на скамье, приду в себя. И в бой с новыми силами.

Гвидо улыбнулся, кивнул и, поплевав на пальцы, затушил свечу, что была единственным источником света в небольшой келье. Тратить столь ценный ресурс понапрасну не позволял устав монастыря.

Рабочее место погрузилось в полумрак, лишь сонная луна неохотно заглянула в окно из-за своего чрезмерного любопытства. А вместе с ней на стекле вновь возникло призрачное отражение юноши. Теперь Пруденция была в этом абсолютно уверена.

— Отдыхайте, — произнес Гвидо и направился к выходу, когда женский голос остановил его:

— Прошу вас, останьтесь. Если, конечно, я не отвлекаю вас от более важных дел. Мне видится, что разговор с вами поможет быстрее восстановиться и вернуться к работе.

Гвидо нахмурил лоб, подумал и все-таки согласился. Совершить обход монастыря он сможет и позже: впереди еще долгая ночь, и она позволяет не только без лишней расторопности управиться с каждодневными поручениями, но и оставить немного времени для собственных мыслей.

— Так о чем вы хотели бы поговорить? — поинтересовался отец Гвидо у Пруденции.

Сестра пересела на скамью, аккуратно сложив руки на коленях. Ее действительно мучил один очень важный, по ее мнению, вопрос, но она не решалась заговорить о нем с кем-то из своих соратниц по служению. Начала она издали:

— Скажите, вы что-нибудь слышали про надвигающийся на нас Мор?

Бледный свет луны отразил на лице Гвидо явное беспокойство. Он прислушался к отчаянному плеску волн, бьющих в каменную преграду, немного помедлил, а затем резко ответил:

— Дьявол раздери этих безмозглых пустобрехов! Заклинаю вас, прекратите собирать всякие сплетни на базарной площади, сестра. Они ведь подобны грязи: схватил рукой — не отмоешься.

— Стало быть, опасаться нечего? — На лице Пруденции возникла едва уловимая улыбка.

Святой отец деловито надул щеки и, сняв со стены висевший на крюке фонарь, озарил комнату бледным светом.

— Конечно! Вовсе не стоит!

Призрак мальчика на окне состроил недовольную мину. Хотя, скорее всего, дело было в игре света и тени, а лик изначально имел вид злой и отталкивающий.

— Спасибо большое, вы меня успокоили, — честно признала Пруденция.

— Но почему вы задали именно этот вопрос? — в свою очередь поинтересовался святой отец. — Насколько я могу судить, ранее вы никогда не отличались легкомыслием, которое позволило бы вам обращать внимание на сплетни, что сейчас, подобно дорожной пыли, витают по всей Венеции.

Сестра вздохнула, слегка потупив взор:

— Всею виной мои сны.

— Ваши сны? Прошу вас, расскажите подробнее... — Брови Гвидо поползли вверх.

— Да. Последнее время они слишком сильно тяготят мою душу.

— А вы пробовали больше молиться?

— Ежечасно и ежеминутно, — смиренно произнесла Пруденция.

— И что же, не помогает?

На этот раз сестра не ответила, просто покачала головой.

— А насколько они дурны — эти ваши сны? — тут же уточнил Гвидо.

— Достаточно, чтобы просыпаться в испарине. И — это самое ужасное — они настолько подробны, что относиться к ним несерьезно весьма затруднительно. К тому же утром кошмары не стираются из памяти, а наоборот — тяготят меня воспоминаниями весь последующий день. Намедни я, грешным делом, решила, что это и не сны вовсе.

— А что же тогда?

— Вы же знаете, что я по своей природе мистик, — принялась объяснять Пруденция, — и очень трепетно отношусь ко всем событиям, что лежат за гранью нашего понимания. Поэтому я бы назвала свои ночные кошмары видениями.

— Ох, как высоко вы гнездитесь! — махнул рукой отец Гвидо. — Тревожная душа частенько будоражит сознание во время ночных бдений, отчего становится весьма проблематично отличить сон от яви. Но разве есть в том Божий промысел? Отнюдь, отвечу я вам. Это лишь ваше больное воображение подшучивает над вами, отдаляя от Божьего благословения. Ответьте мне: какой сон вам виделся последним?

Пруденция вздрогнула. Было заметно, как затряслись ее губы. Но, зная настойчивость отца Гвидо, она поняла, что уже не избежать этого разговора. Сама заварила кашу, а теперь в кусты? Нет, милочка, выкладывай все как есть. И если тебе будет позволено, снимешь данный грех на воскресной исповеди.

Тяжелый вздох, растерянный взгляд. Сестра Пруденция долго собиралась с мыслями, а потом осторожно произнесла:

— Наш монастырь... Я находилась внизу, когда раздался оглушительный стук в двери. Дежурных не оказалось на месте, и я решила сама отпереть засов, хотя помнила, что делать это после заката строго-настрого запрещается. Я подошла, протянула руку... и в этот самый миг дверь резко отворилась! На пороге стояла женщина средних лет, высокая, с темными прямыми волосами. Одета она была в обычную одежду — кухарка или прачка. Она скинула с головы накидку, улыбнулась. Я не увидела в ней ничего отталкивающего... впрочем, и приветливость ее показалась мне отнюдь не дружелюбной, а скорее обыденной.

Сестра Пруденция внезапно замолчала, но Гвидо тут же спросил:

— И что же было дальше?

— Она сделала уверенный шаг. Прямо на меня. И оказалась за моей спиной, словно я была водой или чем-то невидимым для нее. Тогда я обернулась, а она указала на парадную лестницу и позвала меня за собой.

— И вы повиновались?

— Это был сон, и я не могла поступить иначе. Думаете, я совершила грех? Мне не стоило поступать подобным образом? — испугалась Пруденция.

— Пока не знаю, — покачал головой Гвидо. — Прошу, рассказывайте дальше.

Сестра кивнула:

— Она провела меня в келью к настоятелю.

— Прямо в покои падре Басси?

— Именно так. Я молча следовала за гостьей, не смея что-либо сказать или возразить. А она вела себя довольно уверенно, словно сама когда-то служила в монастыре. И я заметила, что ей известно внутреннее расположение коридоров и комнат. Мы приблизились к келье. Женщина, не церемонясь, открыла дверь и зашла внутрь, подав мне знак. И я переступила порог без благословения... — голос сестры Пруденции дрогнул. Она едва сдерживала слезы.

Отец Гвидо не стал торопить рассказчицу, позволив ей самой справиться с эмоциями и продолжить:

— Я зашла внутрь, ожидая увидеть привычное убранство: стол, массивные шкафы, скамью и, конечно же, огромное распятие на стене. Но вместо этого мне показали смерть. Ту самую, от которой кровь стынет в жилах. И меня охватил ужас! Я выскочила в коридор и сбежала вниз по лестнице, пока не остановилась возле входа в обитель, где вновь услышала стук дверного кольца. Испугавшись, что все повторится вновь, я принялась неистово молиться. Но язык не слушался меня, выдавая вместо заученных слов отдельные звуки, напоминающие лошадиное ржание и блеяние козы. Я словно стала жительницей Вавилона того времени, когда Господь смешал языки, наказав Нимрода и всех его строителей за излишнюю дерзость.

Гвидо слушал, не перебивая и не делая колких замечаний. А когда сестра замолчала, осторожно поинтересовался:

— Что же вы такое увидели в покоях падре Басси, что заставило вас так сильно испугаться?

Сестра опустила глаза и быстро покачала головой. Гвидо больше не просил, но Пруденция продолжала нервно подрагивать, словно ее уговаривали открыть страшную тайну. А потом она внезапно уставилась на священника стеклянными и полными слез глазами, со всей уверенностью заявив:

— Они все были распяты! Висели на собственных поясах под потолком, на таких огромных гвоздях, кривых и ржавых, которыми прибили к кресту Христа. А еще кровь, много крови... Я столько никогда в жизни не видела, даже когда прислуживала повитухам в Себорге. Но самое ужасное... они были еще живы. Крики, плач и стоны. Братья хотели, чтобы я им помогла, облегчила их страдания. Но я просто развернулась и сбежала без оглядки. Будто предатель! Понимаете, отец Гвидо? Я спаслась, а они остались висеть там — под самым потолком.

Выпучив глаза, священник смотрел на сестру Пруденцию и впервые в жизни не знал, что сказать. Ему хотелось как-то помочь, успокоить, развеять ее страхи. Но отец Гвидо понимал: он не в силах этого сделать.

В этот самый миг снизу послышался оглушающий стук в дверь.

Утренний гомон был прерван отчаянным криком нескольких торговков. Возле собора Санта-Мария-Ассунта уже собралась толпа зевак, но никто так и не осмелился войти внутрь. Все ждали городскую стражу и представителей святой инквизиции.

— Расступитесь! Кому сказано! Отойдите в сторону! — раздался низкий бас одного из стражей.

Люди повиновались, продолжая взирать на раскрытые двери, за которыми можно было разглядеть засохшие следы крови.

Держа перед собой толстый томик Библии, на ступени поднялся кардинал Гаспаро. Был он тощ и сутул, а ко всему прочему имел длинную седую бороду. Остановившись возле порога, священнослужитель осенил себя знаком Спасителя и бросил в сторону стоявшего рядом с ним пристава тревожный взгляд. Тот растерянно пожал плечами, сделав крохотный шаг назад.

— Нападение на дом Божий? — предположил Гаспаро.

— Неслыханная дерзость! — прошептал пристав так, чтобы его не услышали горожане.

Прочитав молитву, кардинал собрался с силами и зашел внутрь, прислонив к лицу кипенно-белый платок. В нос ударил металлический запах крови и нечто невообразимо тяжелое, вызвавшее у престарелого священника жуткое головокружение. Он не успел сделать и пары шагов, как его желудок откликнулся острой болью, заставив кардинала согнуться пополам и избавиться от раннего, но достаточно плотного завтрака.

— Пресвятые угодники! — прохрипел пристав, вжав голову в плечи, отчего его горб за спиной стал больше, а сама фигура сделалась меньше.

Кардинал, потеряв дар речи, осторожно подошел к стенам, на которых имелось множество кровавых перевернутых крестов. Но самое удивительное, что все рисунки складывались в одно большое слово: *imprecazione*.¹

— Безумие! — прошептал Гаспаро. — Это дом Господа нашего, святая земля, сюда не могло проникнуть никакое зло.

— Если только его добровольно не впустили внутрь, — поправил его пристав.

— Добровольно? Не думаю. Падре Басси — верный католик, который держит своих послушников в черном теле. Он бы никогда не допустил...

— А что насчет отца Гвидо? — перебил кардинала пристав. — Про его богохульства в городе уже складывают настоящие легенды!

— И то верно... Про него я, честно сказать, и позабыл совсем.

Окропив стены святой водой, кардинал посмотрел на входную дверь и осторожно произнес:

— Позови в помощь стражей. Нам необходимо подняться наверх. Возможно, там мы сможем найти кого-то живого. Он прольет свет на несчастье, что случилось в монастыре этой ночью.

Пристав кивнул, перекрестился и быстрым шагом покинул монастырь. Оставшись один, кардинал сильнее обхватил распятие, что носил с собой, и едва слышно произнес:

— Я знаю, ты еще здесь. *Rivelarsi. Mettiti alla prova, strega!*²

Ответом ему была тишина. Кардинал прищурился. С его губ сорвалась древняя молитва. Он знал, что после того, как он закончит ее читать, ведьма откликнется и покажет свое истинное лицо.

Приблизившись к столу, Гаспаро чиркнул кресалом, осторожно взял подсвечник. За его спиной послышался хлопок, затем — резкий щелчок. Обернувшись, кардинал увидел, что входная дверь заперта на засов. Голос его стал громче. Нет, он не боялся. И был готов к схватке.

Снаружи послышались тревожные возгласы. Стражи пытались попасть в монастырь. Но кардинал прекрасно понимал, что, пока ведьма не захочет, они не попадут внутрь.

Случайный сквозняк задул пламя свечей. Раздался неприятный протяжный скрип, который, скорее всего, был голосом той, что этой ночью проникла в монастырь. Кардинал продолжил читать молитву.

На столе, рядом с подсвечником, лежала книга «Огненные времена». Нахмурившись, кардинал открыл ее, перелистнул несколько страниц, найдя последнюю запись. Была она

¹ (итал.) Ругательство, проклятие.

² Прояви себя. Покажи себя, ведьма.

выполнена почерком более торопливым, размашистым, словно тот, кто ее оставил, сильно спешил.

«Пусть она никогда не завершит своих поисков. Не отдайте ей того, чего ищет. Господи, помилуй меня и прости мою грешную душу...»

Подписи не сохранилось. Лишь заглавная буква *П* — и больше ничего. Закрыв книгу, кардинал резко обернулся — на лестнице показалась огромная темная фигура, напоминавшая острокрылую птицу.

Глава 2. Пеллегрино

Поселение, располагавшееся за кривобоким каменным мостом, выглядело весьма уныло: темные стены из песчаника, поросшие мхом крыши, колокольня в самом центре, никаких стен и рвов с кольями. Да и зачем они нужны, если дома плотно прилегают друг к другу, а внутрь можно попасть по единственной дороге, и никак иначе.

Липо передал проводнику обещанную награду и приблизился к Иларии, которая выглядела мрачнее тучи, со словами:

— Ну, что скажешь, демон, мы на верном пути?

Ами долго молчал, а потом пожал плечами:

— Ее следы обрываются на холме, словно она обернулась птицей и в очередной раз упорхнула от нас в неизвестном направлении. Здесь я ее не чувствую. Впрочем, есть вероятность, что она все еще в поселке, как нам сообщили соглядатаи.

Друид медленно приблизился к говорившим:

— Ведьма могла приготовить нам ловушку, как это было в Матере. А до этого на Джинсиуме. Думаю, мы больше не должны слепо доверять донесениям и открыто вторгаться в дома, в которых, по нашим сведениям, находится Арадия.

— У тебя есть предложение? — уточнил маэстро.

— Я могу войти в поселок инкогнито, — произнес друид. — Если я найду ведьму, то подам сигнал.

— И как же это у тебя получится? — удивилась Катерина.

— Личина.

— Что это значит? — не понял Липо.

— Деревьям, как и животным, необходимо приспосабливаться к окружающему миру. Вы называете это свойство мимикрией. Но я говорю об умениях немного другого рода.

— Поясни, — попросил маэстро.

— Например, мухоловки ловят насекомых и медленно убивают их, продолжая удерживать в плену. У меня, как у представителя умных деревьев, тоже есть подобное умение.

Липо Дарди переглянулся с супругой.

— Ты можешь меняться? — догадалась Илария.

— Можно сказать и так, — кивнул Спирито. — Но личина, которую я «надеваю», не может быть любой, взятой по желанию. Вначале я должен поглотить того, чье тело впоследствии примеряю на себя.

— Поглотить?.. — насторожилась Катерина.

— Он говорит про тело поверженного противника, — пояснила за друида Илария. — Совершив убийство, ты пожираешь того, чей облик потом сможешь носить на себе, так?

Взгляд Катерины наполнился ужасом. Она недоверчиво посмотрела на друида, который уже больше месяца являлся ее сопровождающим. Девушке показалось, что ее обманули, а лучше сказать — предали, сокрыв очень важную вещь.

— Это правда? — обратилась она к Спирито.

— Илария верно описала мое умение, — ответил друид. — Но ты должна знать, что мы редко пользуемся мимикрией. Только в самых крайних случаях.

— В каких, например? — поинтересовалась Катерина. Недоверие к друиду росло с каждым произнесенным им словом, вызывая у нее в буквальном смысле отвращение.

Спирито не стал лукавить или юлить, а рассказал все как есть:

— Перед нашей встречей я побывал в одном монашеском ордене, который носил название Черная Роза, с особым поручением. Мне необходимо было освободить человека... плененного человека. Но разговор не состоялся. Возможно, виной тому страх, который порой руководит помыслами двуногих, лишая их здравого смысла. Поэтому я был вынужден защищать себя.

— Ты хочешь сказать?.. — голос девушки дрогнул.

— Во мне сейчас хранится личина настоятеля ордена Черной Розы — отца Пиота. Большой глупец, который сам решил свою судьбу.

— Что ты с ним сделал?! — не унималась Катерина. Она не хотела верить в то, что друид — жестокий убийца, для которого люди представляют собой нечто вроде мушек.

— Он не ответил на мой вопрос, — равнодушно произнес Спирито. — У людей это, кажется, считается проявлением неуважения.

Катерина едва сдерживала слезы. Ее голос дрогнул:

— Ответь... ты убил его?

— Он отказался мне помочь.

— Ответь!

Друид пожевал деревянными губами. Он явно не понимал, какого ответа от него ждут, поэтому повернулся к Катерине спиной и, найдя взглядом маэстро, пояснил:

— Личина практически истончилась. Но я могу еще использовать ее. Недолго, максимум до восхода луны.

— Хорошо, — согласился Липо. — Мы и правда должны действовать более осмотрительно. Надевай свою личину и отправляйся в поселок. Мы разобьем лагерь вон за тем холмом и будем ждать от тебя вестей. Когда отыщешь обладательницу Черного титула, не лезь на рожон, дожись нас.

— Но почему именно он? — внезапно вмешался в беседу Вико. — Я тоже могу добыть информацию. Дело нехитрое — узнать, там ведьма или нет. И мне не нужна никакая личина!

— Интересно узнать, как же ты ее отыщешь? — поинтересовалась Илария.

Впрочем, ответить на этот вопрос Вико так и не успел. Учитель коротко и ясно вынес вердикт:

— В поселок отправится Спирито. Это не обсуждается! У нас мало времени, а друид обладает необходимыми знаниями, чтобы почувствовать присутствие Арадии. Ну а мы с тобой займемся оттачиванием мастерства. Управляться двуручным мечом одной рукой не так-то просто.

Ученик ничего не ответил. Друид, напротив, кивнул и, отойдя в сторону (туда, где его скрывали шаровидные мастиковые деревья), начал преображаться. Выглядело это довольно странно: присев и расставив в стороны колени и руки-ветви, Спирито застыл, словно стал одним из кустистых деревьев. Через некоторое время друид принялся медленно поворачиваться против часовой стрелки. Послышался треск, хруст и протяжный скрип, будто старые

посадки пытались выкорчевать, вырвав из земли. Осыпалась кора, показался гладкий ствол, который тут же оброс кожей.

Не веря своим глазам, Катерина взирала на высокого тощего мужчину в свободных холщовых одеждах. Со стороны могло показаться, что его лицо сделано из воска или, лучше сказать, высечено из дерева, как у куклы. Лишь когда друид заговорил, стало понятно, что лицо живое и ни о какой маске не может быть и речи.

— Ждите меня на излете дня, — произнес Спирито. Сверкнули желтые радужки его глаз.

Ворота в поселении все-таки имелись. Сразу за мостом, меж двумя высокими домами, располагался некий пункт досмотра, а за ним — одностворчатая деревянная дверь. Местный житель, не являющийся, судя по излишней одутловатости, воином, был вооружен мечом и алебардой. Он долго вглядывался в лицо пешего путника, словно пытался отыскать в нем некий подвох или иные признаки разбойничьего естества. Но путник вел себя удивительно спокойно: на требование показать содержимое полупустого мешка не стал возмущаться и насылать на стража проклятия, а просто развязал тесемку.

— Куда путь держишь? — поинтересовался привратник.

— На юг.

— А точнее?

— А разве это так важно?

— Говори, а то не пущу!

Мужчина пожал плечами, но ничего не ответил.

— Ну, чего застыл как истукан?! Молви, кому говорю! Или проваливай подобру-поздорову.

— Апулия...

— Апулия? — не понял привратник.

— Бари.

— Ты можешь выражаться яснее? — попросил страж.

Путник кивнул. Но сделал это как-то отрешенно, словно его мысли были заняты чем угодно, но уж точно не праздным разговором с человеком, отказывавшимся пускать его в поселок.

— И что ты забыл в этом рассаднике кровосмешения? — Толстяк скорчил недовольную физиономию.

— Даже в улье найдется место святому жужжанию, — довольно странно ответил путник. — За тем и иду. Вдруг сыщу чего интересного.

Погрузившись в раздумья, страж надул щеки и натужно выпучил глаза. Судя по всему, толстяку это занятие давалось с большим трудом. Затем он, почесав затылок, спросил:

— Так ты, получается, пеллегрино?

— Скорее, вольный путник, — поправил его гость.

— Вот что я тебе скажу, вольный кривоногий путник, рассуждающий о святости. Отправляйся-ка ты лучше на Сицилию! А в Бари свой святой нос не суй, а то, не дай Бог, подцепишь какую-нибудь заразу. Начнет с него капать всякая хворь — и зачахнешь ты, так и не вкусив прелести плотских утех! Хо-хо-хо! — схватившись за живот, рассмеялся толстяк.

— Так ли уж там плохо, как ты рассказываешь? — спокойно спросил гость, не выразив удивления.

— А как они там еще могут быть? Особенно после того, как сарацины потоптали наших птах, делать там уж точно нечего. Поговаривают, что там местные ведьмы устраивают на темных улицах ночные шабаши прямо возле позорных столбов. Хотя... кто их знает, может, и

прямо на столбах, хо-хо. А коль ты не успел добраться до дома и запереть двери на засов, считай, дело плохо. Утром оторванные головы этих несчастных выставляют на всеобщее обозрение возле Швабского замка. Во как!

— Слухи редко бывают правдивы, — отвечал собеседник.

— Может, и неправдивы, — не стал спорить страж. — Да только дыма без огня не бывает. Во как! А еще я слышал, что в городе, который отняли мы у сарацин и треклятых греков, вообще нет ни одной праведной женщины. Все поголовно ведьмы, как есть! Днем они приличные жены, а как наступает ночь, заползают женские особы на крышу, обмазываются какой-то хренью, которую именуют маслом Маскиро, и оборачиваются черными кошками, а затем расползаются по городу. Но и это еще не все, хо-хо. Если на ночной улице, под аркой Машире, им попадется случайный путник — ну вроде тебя, — то обязательно случится беда. Кошки эти тогда вновь становятся женщинами, только уже нагими, как змеи, ну и хватают мужичка для своих бабских утех. Только не для тех, к которым привыкли мы, мужчины. А для таких, что длятся нескончаемо долго, пока глаза не полезут наружу, а черенок твой не сотрется до кочерыжки, хо-хо! А все почему: ведьма же без стыда и совести! Сделала свое темное дело, нацепила на себя шкурку кошачью и поперлась куда глаза глядят. А я доложу тебе, что никто еще от них целехоньким не уходил. Потому как ненасытные они, да проклянет их Святая Лаурия! Да такие, что до рассвета на ней пыхтеть будешь, а завершить свое мужское дело не сможешь, потому как на то есть особое заклятие!

— Звучит не очень правдоподобно, — заметил гость.

Страж вздохнул, почесал затылок, но рассказ не прервал, а продолжил с удвоенным усердием:

— Да, верно, звучит довольно диковинно. Так что поделай, коль из всего Бари истинных католиков раз-два и обчелся! Но люди, как мне думается, зря болтать не станут. В любом случае, ежели ты сунешься туды, опасайся огромного каштана. Говорят, что эти самые ведьмы, которые совокупляются со случайными путниками до самого рассвета, приносят туда своих детишек и отдают их в жертву местной богине Джанаре. Шепчутся, что языческая тварь за это одаряет их всякими странными мерзостями, типа там тремя сиськами или двумя чревами. Понял, к чему я клоню? — подмигнул страж. — Одно лоно для обычных людей, а другое для Дьявола. Во как! — Замолчав, рассказчик тяжело вздохнул и добавил: — Такие вот дела, брат кривоногий путник. Ну что, не передумал еще идти в свою сраную Апулию?

Человек прищурился, помолчал, а потом все тем же невозмутимым голосом спросил:

— А что насчет вашего поселка?

— Ты это о чем? — не понял страж.

— У вас-то никто колдовством не промышляет?

От такого вопроса страж серьезно нахмурился, задумчиво приложил палец к губам, словно что-то вспоминая, а потом резко дернулся и, протянув пеллегрино миску для сбора подати, заявил:

— Кидай две монеты и проходи! А нет денег, так вали куды хочешь!

— А не многовато ли? — поинтересовался путник.

— Это еще по-божески. Был бы ты с товаром, так заплатил бы за вход и выход в три раза больше, хо-хо, все как у знатных блудниц. Говорят, в больших городах их теперича обязали носить колокольчики на голове, а еще перчатки и высокий каблук, хо-хо. Вот бы и у нас такое ввели. Тогда бы сразу стало ясно, что за синьора живет с тобой по соседству.

Путник кивнул, произвел положенную оплату и оказался меж невысокими каменными домами, которые имели лишь пару ответвлений от широкой улицы, что упиралась в небольшую площадь с высокой церковной башней.

Поселок жил своей жизнью: торговцы сутились с товаром, прачки и кухарки болтали неподалеку от богатых домов, а крестьяне и прочий рабочий люд торопились по делам, выбивая подошвами пыль из кривой дороги.

Спирито добрался до башни. Остановился. Необходимо было внимательно оглядеться и попытаться зацепиться за след.

Две повозки, закрипев колесами, встали возле церкви. Монахи принялись смиренно разгружать мешки с мукой. Пристальный взгляд друида следил за каждым движением, а уши ловили сотни различных звуков. Если ведьма в городе, она обязательно проявит себя. Не явно, конечно, а через жителей поселка, которые оставят особый грязный след.

Возле деревянных домов закричал малыш, который едва не попал под колеса проезжавшей мимо телеги. Заевавшаяся мамаша, у которой было еще трое детишек, подхватила сорванца и начала кричать во все горло на дитя. Кот, дремавший на заборе, внезапно пробудился и, отпрыгнув в сторону, напугал кур. Мужик (скорее всего, ветеран каких-то там войн) угодил в дыру деревянным колышком, который заменял ему правую ногу. Выругавшись, он развязал ремни, отсоединил протез и, попрыгав несколько канн³, упал на землю. Ругань стала крепче, особенно после того, как не получилось примостить деревянное приспособление обратно на обрубок ноги.

— Все не то, — прошептал Спирито. — Нужно что-то более очевидное.

Башенные часы пробили полдень. Громко, почти оглушающе. Но жители никак на это не отреагировали. Никто даже не поднял головы, чтобы бросить быстрый взгляд на циферблат. По всей видимости, они уже давно привыкли к подобным звукам.

«Или поведение горожан связано с чем-то иным?» — задался вопросом друид.

Приблизившись к одной из палаток, где продавались сыры, Спирито внимательно присматрелся к товару. Если и искать следы ведьмы, то лучше начинать с еды.

— Чего изволите? — с радостью откликнулся продавец.

Но друид нахмурился и, опустив голову, ничего не ответил. Его внимательный взгляд скользил по головкам сыров.

Взявшись за нож, хозяин указал лезвием на товар и уточнил:

— Все свежее, даже не думайте. Какой желаете: тот, что тверже, или по душе более мягкие сорта?

Спирито поднял взгляд. Радужки глаз сверкнули золотом. Нахмурившись, хозяин попятился и, задев рукой мерные весы, присел на огромный мешок, издав странный охающий звук. Глаза покупателя если и не напугали его, то уж точно сильно удивили. А дальше случилось и вовсе невероятное: ноготь на указательном пальце тощего мужчины, облаченного в рясу и дорожный плащ, удлинился. Да что там удлинился, он вырос прямо на глазах, став черным, словно коряга! Отрезав ногтем часть сыра, словно ножом, покупатель не стал есть, а просто внимательно осмотрел его со всех сторон и, обнаружив на боку следы зеленой плесени (совершенно небывалое дело!), задумчиво улыбнулся.

На медную тарелку упала одна скромная монета. Покупатель быстро исчез в толпе, не сказав ни слова. Взяв след, Спирито с легкостью находил все новые и новые червоточины. Ведьма и впрямь была где-то в поселке.

На одной из дверей дома обнаружилась траурная лента, и еще одна — прямо на соседней улице. Громко прокричал петух и тут же замолчал, откликнувшись сильным хрипом. Были, конечно, и другие доказательства: молочник возмущался из-за внезапно испортившегося товара, двое сцепились не на шутку, собака, подвывая, испугалась чего-то в подворотне. Но главным стало пламя.

³ Мера длины, равняется 1,555 метра.

Громкий спор привлек внимание друида, когда он добрался до противоположной части поселка и оказался возле полей, где располагались кузнечные мастерские.

— Дуй, кому говорят! Ох, седина мне в бороду! Ну кто же так делает, проказа тебя побери! Дай покажу, как надо!

Здоровяк взялся за меха. Но как он ни старался, а огонь так и не разгорелся. Скромные лепестки скользили по углям, прячась в темных недрах очага.

— Собачьи кишки! — прорычал кузнец.

Приблизившись, Спирито недоверчиво посмотрел на пламя. Привычные цвета перемешались с зеленым и голубым. Возможно, это было трудно различить невооруженным глазом, но друид быстро понял причину бед местного мастера.

— Много заказов? — уточнил он у бородача, что копошился возле мехов.

Тот обернулся и недоверчиво уставился на монашеское облачение незнакомца. Человек Божий всегда относился к разряду людей, с которыми можно и нужно поговорить. Хмурость бородача тут же исчезла, и, утерев со лба пот, он быстро кивнул:

— Да, черт бы побрал эти дрянные механизмы! Видать, забился где-то, ну никак не идет. А работы и впрямь в последнее время с избытком! Только вот поставщики подводят. А все почему: на дорогах стало неспокойно. Обозы половинят заезжие bandera⁴. Копий двадцать-тридцать, не больше, но стража никак их изловить не может. А всему виной крестовые походы, будь они неладны. Бегут целые отряды из иноверских стран. Османам-то хорошо, а нам беда.

— И давно у вас подобные напасти? — спросил Спирито, отойдя подальше от горнила.

— Да седмицу... может, больше, — откликнулся кузнец. — Так что заказы есть, а что толку, коли материала не хватает.

По срокам сходилась. Дней пять назад Липо потерял след ведьмы на южном тракте. Значит, она вполне могла резко свернуть с большого пути и оказаться в безымянном поселке неподалеку от Бари.

Спирито поблагодарил кузнеца за разговор и уже собрался уходить, когда увидел в бочке, в которой охлаждался металл, огромный черный крест.

Глава 3. Беглецы

Карлик недоверчиво уставился на двух наемников, что, зайдя в таверну, устроились за соседним с ними столиком. Вели они себя громко. Возможно, даже слишком. С другой стороны, я уже привык, что люди здесь выражали чувства голосом. Никаких эмоций на лице — лишь слова, которые рано или поздно превращались в крик. И не столь важно, базарный ты зазывала или почтенная матрона.

Соседи быстро подозвали дочь трактирщика, отпустили пару скабрёзных шуток в ее адрес и принялись за вино. Как по мне, ничего подозрительного. Но Морганте все равно время от времени посматривал в их сторону, задумчиво барабанил пальцами по столу.

Нашим соседям принесли зеленую похлебку, сыр, репу, хлеб и кувшин вина. Мясо или рыба, по всей видимости, им были не по карману. Но гости радовались и этому скромному ужину, устроив настоящее веселье. И чем больше они выпивали, тем громче становились их голоса.

— От греховных помыслов до поступков один короткий шаг, — покачивая головой, произнес карлик. — И так среди простого люда повсеместно. Никакой святости.

Я выразил искреннее удивление:

— Разве веселье — это грех?

⁴ Рыцарские посты, объединения наемников из числа рыцарей.

— Я сейчас не о причинах, а о последствиях. Иначе говоря, о действиях, что неминуемо ведут к греху. Вот представь, к примеру: замужняя женщина оказывает знаки внимания мало-знакомому человеку. Разве есть в том грех? Нет, конечно. Но это лишь один из поступков, приводящих к определенным и весьма дурным последствиям. Влюбленные начинают общаться, назначают новую встречу, конечно, тайную. Постепенно в них вспыхивает огонь страсти, который приводит к прелюбодеянию. Так уж устроен человек, ничего тут не попишешь. Женщины и мужчины просто не созданы для светского времяпрепровождения. Природа, увы, рано или поздно берет свое. Но это лишь часть пути, потому как греха мало не бывает. И вот они уже готовы расторгнуть божественный союз, разрушив собственные семьи. Под страхом расправы любовники не прекращают свои встречи, усугубляя свое и без того незавидное положение. И хорошо, если история окончится изгнанием любовника и порицанием любовницы, когда ее голой провезут на осле через город под улюлюканье толпы и омовение помоями. Но ведь может случиться и внутренняя ссора, способная привести к смертоубийству. Эх, прав был Святой Августин: «Женщина — всего лишь приманка Сатаны, яд для мужских душ».

Пригубив вина, карлик перекрестил еду и приступил к трапезе.

— Но не думаю, что веселье простых косцов или жнецов может привести к чему-то серьезному, — после недолгой паузы ответил я.

— Если бы это были косцы, я бы с тобой охотно согласился. Но посмотри на их мечи, а еще на кинжалы за голенищем и медальоны на шее. Нет, тут либо вольные наемники, либо кондотьеры. Такие просто не могут вести себя спокойно во славу Божию. И вспыхивают, словно солома от искры, при любом удобном случае. Ну а дальше ты и сам знаешь...

Пожав плечами, я не стал развивать тему. Карлик был прав: забияки и драчуны существовали во все времена. А драчуны с оружием опасны вдвойне. Таких хлебом не корми, а дай почесать кулаками. Хотя зачастую они бывают нещадно биты за свой же длинный язык и вспыльчивый нрав.

— Эй, коротышка! Ты куда пялишься?! — внезапно произнес сосед по столу. Шмыгнув кривым носом, он почесал щетинистую щеку и толкнул в бок приятеля, пытаясь привлечь его внимание. — Слышь, Люцио! Видал, как на нас таращится вон тот недомерок?

Здоровяк, набив рот, пробубнил что-то неразборчивое, смачно сморкнулся на пол, а потом коротко кивнул. В его взгляде я не заметил злости, только привычную для таких случаев поддержку.

— Отверни свое хлебало от нашего стола! — потребовал кривоносый.

Но Морганте лишь покачал головой и, не отводя взора, продолжил смотреть на наемника, который уже начинал выходить из себя. Вытянутое лицо пошло пятнами — кривоносый ухватился за глиняную кружку, покрутил ее, а затем сквозь зубы процедил:

— Ненавижу упертых баранов. Но учить таких надо!

Размахнувшись, он запустил кружкой в карлика. Достаточно неожиданно для всех присутствующих. Но Морганте, судя по всему, только этого и ждал. Ловко увернувшись, он ответил незамедлительно: швырнул в кривоносого тарелкой с остатками еды. Я не предполагал, но его бросок оказался более метким, чем у соседа. Наемник только и успел, что заслонить лицо рукой. Тарелка врезалась ему в предплечье и разлетелась на куски. На куртке кривоносого возник порез, показались следы крови.

— Свиные потроха, ну теперь ты точно нарвался!

Оказавшись рядом с нашим столом, кривоносый схватил Морганте за плечо и приподнял того над столом. Видимо, хотел зашвырнуть карлика куда-нибудь в дальнюю часть таверны. Но вместо этого получил резкий удар чуть выше живота — в так называемое чревное сплетение. Я в потасовку не вмешивался лишь по одной причине: когда кривоносый подходил к столу, карлик сжал мою ладонь и покачал головой, давая понять, что справится сам.

Отскочив в сторону, кривоносы согнулся пополам. По его телу пробежала нервная дрожь, и он растерянно уставился на Морганте, словно пытаясь понять, как такое могло с ним приключиться. Попытавшись вернуться к нашему столу, драчун сделал уверенный шаг, но его ноги внезапно подкосились. Упав на пол, наемник забился в конвульсиях. Из рта пошла белая пена. Карлик снова покачал головой, будто подозревал подобный исход, и спокойно продолжил трапезничать.

— Братцы! Да это же колдун! Смотрите, не иначе! Колдун! — внезапно завопил во все горло кто-то из присутствующих.

А вот это был нехороший знак. Паника толпы может привести к неминуемым последствиям. Давки, конечно, не будет: народу в таверне не так много. Но человек всегда стремится избавиться от страха. И если карлика и впрямь примут за помощника демонов, то могут предать огню прямо здесь, у коновязи. В общем, положение было серьезным.

Впрочем, мои опасения не оправдались. И причиной тому стал один человек. Между нашими столами возник невысокий узкоплечий мужчина в сопровождении двоих стражей. Рихтарж⁵ быстро успокоил присутствующих. Подняв руки вверх, он примирительно подошел к столику, за которым сидел приятель кривоносого. Здоровяк тут же отпустил рукоять меча, коротко кивнул в знак мирных намерений. Конфликт был погашен, так сказать, в самом его зародыше. И пришло время для разбора полетов.

К наемнику, что корчился на полу от боли, подбежал кто-то из местных. Вряд ли лекарь, скорее всего, конюх, который зачастую примерял на себя роль врачавателя. Он склонился и попытался оказать помощь. Присутствующие быстро потеряли интерес к происходящему.

Рихтарж оказался возле нас и, сев за стол, произнес:

— Этих двоих я знаю. Редкостные болваны. Но позвольте поинтересоваться: каким ветром занесло в наше захолустье Божьих людей?

Карлик вытер руки об одежду, поправил плащ и, не скрывая своей личности, представился:

— Я отец Морганте, приор ордена Черной Розы. Мы с моим учеником направляемся с паломнической миссией на юг.

— Вы отец Нано Морганте?! Я не ослышался? — удивился рихтарж. Его лицо сделалось растерянным. — Но... постойте, я слышал, что ваш орден постигло несчастье! Многим не удалось выжить! А вы, стало быть, здесь, у нас... Какая удача!

— Простите, но откуда вы?.. — начал было карлик.

Но рихтарж не дал ему договорить, перебив самым наглым образом:

— Это ведь вы участвовали в двенадцатидневном ночном бдении в Неаполе, когда город был поглощен чумой? — Его переполняли нахлынувшие эмоции.

— Да, именно так.

Глаза рихтаржа округлились.

— Настоящее чудо! Вам ведь известно, что после той роковой ночи эпидемия отступила, в течение месяца был снят карантин.

— На самом деле все было не так радужно. Мы еще пятьдесят дней вывозили трупы, отмаливая их за пределами Неаполя. Но наша общая молитва и вправду спасла город от вымирания.

Рихтарж взирал на карлика с нескрываемым восхищением. Пока Морганте говорил, вельможа постоянно кивал, больше даже не пытаясь перебить странствующего монаха. А когда тот замолчал, задал лишь один вопрос:

— Могу я быть вам чем-то полезен? Прошу вас, не отказывайтесь принять в дар мою помощь. Тогда вы спасли не только меня, но и всю семью Ломбарди. Поэтому для меня боль-

⁵ Рихтарж отвечал за налоги, порядок, суды и организацию охраны.

шая честь услужить спасителю Неаполя. Подождите, а я, кажется, придумал, чем могу отблагодарить вас... Здешные места кишмя кишат разбойниками и прочим греховным людом. Так что не откажите в любезности принять от меня в сопровождение стражей, которые будут охранять ваши жизни и кошельки от всяческих неприятностей на большой дороге.

Морганте задумался. Но я был уверен: он обязательно согласится. А время тянет лишь в рамках приличий, давая возможность вельможе думать, что тот проявил искусство дипломатии и добился нужного результата.

— Мы не откажемся. Покорнейше вас благодарю.

— Ну вот и славно. До границ Апулии всецело можете рассчитывать на моих людей. Эй, Тилли, подойди сюда.

Стражник в кирасе с изображением дозорной башни и шлемом под мышкой приблизился к чиновнику. Поклонился, бросив в нашу сторону недоверчивый взгляд. Следом за ним подошел и второй. Как мне показалось, точная копия первого. Хорошо, что у него отсутствовал правый глаз, а поперек тянулся глубокий почерневший шрам, иначе я бы точно стал путать этих однояйцевых здоровяков. Впрочем, удивляться тут было нечему. По рассказам Морганте, в небольших поселках было принято образовывать брачные союзы с родственниками, потому как пришлый люд тут задерживался редко.

— Это мои друзья и особые гости нашего славного городка, — принялся объяснять рихтарж. — Вы с Пики поступаете в их полное распоряжение. Поручение очень простое: проводить паломников до границ Апулии, оберегая от всяческих злодейств и неприятностей. Головой отвечаете за их жизни! Вы меня поняли?!

Стражи переглянулись. Один деловито ударил кулаком в грудь, второй кивнул, поправив длинный ус, и направился к выходу готовить коней.

— Ждем вас на свежем воздухе, господа! — пробасил Тилли.

Мы быстро собрались. Лишь когда оказались у коновязи, я поинтересовался у монаха:

— Думаешь, это была хорошая идея?

Карлик покосился на стражей, проверяя суму, в которой находился короб с останками ведьмы.

— У меня нет желания жертвовать чужими жизнями. Но... если на кону будет стоять спасение всей Италии и две бедные души, которые пожертвуют собой, я, несомненно, выберу...

— Не продолжай. Я понял, о чем ты. И полностью разделяю твою точку зрения, — согласился я, запрыгивая в седло.

Путешествие после наступления сумерек всегда сопряжено с опасностью. Но только так мы были способны достигнуть главной цели — не привлекая внимания местных жителей, оставить след для той, кто преследовала нас по пятам. Именно по этой причине мы и отсыпались в дневное время, а ночью старались держаться широких трактов, чтобы миновать как можно большее расстояние.

Остановившись на перепутье, Морганте кинул беглый взгляд на указатели и выбрал левое направление, что вызвало у сопровождавших нас стражей ряд вопросов.

— Простите, святой отец, — обратился к карлику Тилли, — но так выйдет гораздо длиннее. А правый тракт приведет вас к границе на целых полдня раньше.

— Полностью с вами согласен, господа, — ответил Морганте, — но дело в том, что нас не интересует граница подданства. Конечная цель нашего паломнического пути находится немного восточнее.

Тилли нахмурился:

— А можно узнать название того места, куда вы направляетесь?

— Аббатство Лучедио близ городка Верчелли, — ответил Морганте.

Нервно заржала лошадь и попыталась встать на дыбы, но страж резким движением успокоил ее. И вновь посмотрел на карлика — взгляд его сделался строгим, но в то же время растерянным.

— Возможно, вы не осведомлены о некоторых особенностях этого монастыря, но, если мне будет позволено... — донесся глухой бас Пики, который внезапно прервался, словно он осознал, что сболтнул что-то лишнее. Страж настороженно посмотрел по сторонам.

Морганте кивнул:

— Здесь нет лишних ушей, и никто не обвинит вас в ереси. Поэтому можно смело называть вещи своими именами. Но, кажется, я догадываюсь о причинах вашего беспокойства. Вы имели в виду проклятие, о котором судачат все, кому не лень.

— Судачат? — недовольно хмыкнул страж. — Нет, святой отец, дело вовсе не в слухах. Хотя и слухи, надо заметить, таковы, что от них мороз по коже. И ладно бы один дурак сказал, так тут ведь болтают все напропалую! А это что-то да значит. Да что говорить, если сам Папа закрыл монастырь за его злую суть! Теперича даже путники обходят Верчелли стороной. Мой шурин говорит, кто туда сунется, никогда оттуда не выйдет. Тут, конечно, можно и не верить, да только проверять на собственной шкуре нам совсем неохота...

— Возможно, что и так, — не стал спорить карлик. — Но это не изменит нашего направления. А со своей стороны хочу заметить, что вы можете не сопровождать нас до самого аббатства. Ведь мы намеренно умолчали о цели нашего путешествия. Таким образом, я вправе освободить вас от возложенных на вас обязательств.

Лошади вновь заржали, но на этот раз по причине злости, которая исходила от всадников. Животные хорошо чувствовали настроение наездников.

— Уж не хотите ли вы обвинить нас в трусости?! — внезапно рявкнул Тилли.

— Не дождетесь! — поддержал приятеля Пики.

— Я нисколько не сомневаюсь в вашей смелости, славные воины. Но в данном случае мы имеем дело с вопросом веры. Лишь истинно верующий человек способен отринуть сомнения и рассеять предрассудки, что распространяют злые языки. Подумайте хорошенько и ответьте сами себе: насколько сильно вы верите в Господа нашего Христа и его покровительство?

— Отлично сказано! — пробурчал Тилли.

Его собрат по оружию вскинул вверх руку и залихватски присвистнул. Карлик спокойно улыбнулся.

«Хитрый манипулятор!» — пришла мне в голову забавная мысль. Все было просто как дважды два. Именно такой реакции Морганте и ожидал от сопровождавших нас стражей. А те легко угодили в его силки и теперь готовы были продолжить путь до самых стен Лучедио, а возможно, и дальше. Времена меняют многое, но только не моральные ценности. Для большинства чужое мнение важнее собственного, и этим можно легко воспользоваться.

— Вы в этом уверены? — на всякий случай уточнил карлик.

— Если уж такой недомерок, как вы, не страшится этого места, мы и подавно не убоимся. Во имя Господа нашего! — твердо ответил Пики.

— И поучаствуем в этом недолгом крестовом походе! — поддержал его Тилли.

— Тогда в путь, господа. Я нисколько не сомневался в вашей преданности королю и Святому Престолу. Господь вознаградит вас за эти старания.

Тилли и Пики перекрестились и, подогнав коней, пустили их галопом. Им явно надо было выпустить пар после такого значимого для них решения.

Оставшись наедине с Морганте, я поинтересовался:

— Проклятый монастырь, серьезно?

— Это место многие обходят стороной, лишь бы не накликать на себя беду.

— А как насчет нас?

— Ты же не веришь в силу Дьявола и его прихвостней? Или я ошибаюсь?

— Нет, ты совершенно прав, — кивнул я. — Но любой риск по меньшей мере должен быть оправдан.

— Он оправдан, уж поверь мне. И чтобы тебе лучше было это осознать, я скажу так: если зло выбралось из одной тюрьмы, его надобно поместить в другую.

— Интересная стратегия.

— Единственно верная. Запомни: нам с тобой противостоит не просто зло, а зло, которое благословил сам Дьявол. Так что, как я полагаю, если мы засунем эту тварь обратно в ад, то впредь она уже точно не выберется.

— Уверен?

— Хотел бы ответить утвердительно, но лучше промолчу и повторюсь: это единственно верный путь.

Глава 4. Выбор

Зодиак сидел за огромным круглым столом и крутил в руке две искусно сделанные шахматные фигуры. В одной — белый ферзь, в другой — черная ладья. Доски для игры рядом не было, зато лежало несколько пешек, слон и королева.

— Мне совсем не ясен ход ваших мыслей, — внезапно произнес сидевший напротив старика магистр Джованни Медичи.

Присутствующие на тайном собрании советники — общим числом восемь — переглянулись. Никто не ожидал от гостя подобной дерзости.

Зодиак отложил фигуры в сторону, нахмурил лоб. Но вместо ответа сосредоточил свое внимание на пешке. И лишь после этого перешел к объяснениям:

— Предположим, это наша с вами ведьма. Фигура довольно значимая, но хочу заметить, что не главная.

— Пешка? — округлил глаза Медичи.

— Пока что да. Она медленно, но верно движется по полю и оказывается на противоположной стороне, где перевоплощается в королеву, получив Черный титул. Теперь она не просто одна из многих, она единственная в своем роде. Жрица! И тут возникает вполне закономерный вопрос: сама ли она смогла пройти столь тернистый и сложный путь? Или все-таки кто-то помогал ей идти к цели, не давая внешним силам вмешиваться в этот поход длиною в несколько сотен лет?

Медичи нетерпеливо подскочил на месте:

— У вас есть подозреваемые?

— Незримые покровители, способные прожить так долго... Разве такое возможно? — вмешалась в беседу Луна.

В руке вновь появилась белая ладья. Зодиак поставил ее рядом с темной пешкой и произнес:

— Почему бы и нет? Например, великий инквизитор Верона.

— Что?! — Медичи схватился за голову.

— Удивил?

— Да это мягко сказано... Скорее ошеломили, повергнув в иступление! Но почему великий инквизитор? Я всегда считал его одним из самых преданных поборников веры.

— Выгода, — спокойно объяснил Зодиак.

Зал, в котором проходили собрания Совета десяти, напоминал обсерваторию. На специальной платформе, у раскрытого механизма в крыше, находился огромный телескоп; стены и панно изображали звездное небо; над потолком, вместо фресок с ликами святых, была подвешена гигантская конструкция планет. Планеты вращались вокруг стеклянного источника света, держась на специальных металлических креплениях.

— Какая же выгода может быть у того, кто служит Господу? — не унимался магистр.

— Святой Престол, — ответил глава Совета.

— И для этого он решил променять свое служение на корысть и поддержать Первую ведьму? — вступила в разговор Луна. — При всем моем уважении, но верится с трудом.

— Противников не выбирают, а вот союзников — очень даже, — произнес монах, восседавший по правую руку от Джованни Медичи.

— Ты абсолютно прав, Уран, — согласилась воительница. — И все же я думаю, для полноты картины нам необходимо узнать имя и белой фигуры.

Зодиак кивнул. Он был полностью согласен с членами Совета. Теперь в его руке возник ферзь. И старик спокойно озвучил имя второго участника игры:

— Его Святейшество последние годы сильно сдал. Но не стоит забывать, что он до сих пор у власти и планирует покинуть собор Святого Петра разве что в гробу, а не под злостный свист паствы, проиграв очередную битву с многочисленными недругами.

— Понтифик?! — Магистр хлопнул ладонями по столу и, подскочив на месте, указал на главу Совета. — Да вы с ума сошли! Адепт святости и милосердия связался с темными силами?! Гнусная и несусветная ересь! Это просто невозможно! Слышите?! Невозможно!

— Не спешите с выводами, уважаемый синьор, — успокоил разгневанного магистра Зодиак. — А лучше для начала выслушайте мои доводы на этот счет. О том, что на Святом Престоле восседает бездушный бес, говорят многие факты. Некоторые обсуждают это вслух, другие — из-за угла. Уверен, что вам известно про ведомства, которые Понтифик создал, подписав буллу «Для искоренения». Именно после его дозволения во многих крупных городах доносы стали такой же нормой, как хлеб и вода. Теперь давайте поговорим про инквизицию. Именно Иннокентий VIII дал право пытаться обвиняемых в ереси до того момента, пока они не сознаются в своих помыслах. Он утвердил правила процесса казни еретиков. Вам этого мало? Что ж, извольте. Все мы хорошо помним, как Папа объявил священную войну кошкам. Люди решили, что уничтожат дьявольскую скверну. Но на самом деле они подписали себе смертный приговор. Города наводнили полчища крыс. Чумные блохи распространялись быстрее слухов, они принесли с собой черную смерть. Города гнили заживо, каждый четвертый житель умер от бубонной чумы. Папа хотел уничтожить Дьявола в кошках, но загубил около миллиона жизней. Достаточно? Или желаете, чтобы я продолжил?

— Булла — лишь бумага! — нахмурился Медичи. — Уверен, Папа хотел лучшего, но люди слишком фанатичны в исполнении данных церковью поручений. Потому такое и происходит. Но возлагать ответственность за произошедшее на одного человека по меньшей мере глупо. Неужели вы считаете, он делал это специально?

— Он мог это изменить, но даже пальцем не пошевелил, — прервал магистра Уран.

Совет зажужжал, будто улей. Разразились нешуточные споры. Зодиак выставил ладонь, заставив утихнуть волнения, и обратился к магистру Медичи:

— Вам ведь известно, для чего больше половины кардиналов собрались в Вольтерре? Мы планировали провести голосование, чтобы выбрать нового Папу.

— Я был осведомлен об этом. Но мне казалось, что всему виной преклонный возраст Понтифика. Последнее время ходили слухи о его неудовлетворительном состоянии. К тому же, вы понимаете, кардиналы не очень любят делиться информацией с простым мирянином. Так что я и помыслить не мог о заговоре против Святого Престола!

— А вас не смутил тот факт, что в месте голосования, которое являлось абсолютной тайной и о котором было осведомлено мало людей, внезапно появилась Первая ведьма, уничтожив более пятидесяти кардиналов? — поинтересовалась Луна.

— У меня не было времени думать о причинах заговора. Я защищал выживших представителей конклава, — рявкнул в ответ магистр.

Зодиак покрутил белую фигуру в руке, медленно кивая в такт разговора:

— Ваше рвение и самопожертвование достойно уважения. Но сейчас нам необходимо установить личность и помыслы врага. Я хочу, чтобы вы хорошенько все взвесили и поделились с нами своими умозаключениями. Как известно, именно в споре рождается истина, которая может крыться где-то рядом и упрямо не попадаться на глаза.

— Хотите знать мое мнение? — переспросил Медичи. И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Демон в обличье монаха, что пытался вывести нас из Вольтерры, сообщил нам, что Папе известно о конклаве и он направил нам его в помощь. Но если бы Понтифик и впрямь был бы в этом замешан, монах вряд ли бы сослался на него.

— Разумно, — согласился Уран.

— У нас имеется письмо, перехваченное нашими наблюдателями. В тексте кардинал Верона сообщает Иннокентию VIII, что птички попали в клетку. Причем речь явно идет про Вольтерру и выживших кардиналов. В переписке используется интересное сравнение: святых отцов именуют не иначе как юркие ignicapillus⁶.

— Красные птички? — уточнил магистр.

— Именно так.

— Получается, Иннокентий VIII и Верона действуют заодно, — окончательно запутался Медичи. — Но почему? Как я понял из нашего разговора, цели их сильно разнятся.

Улыбка Зодиака стала загадочной:

— Все верно: цели разные. Вот только враг у них один.

— Враг? Вы, надеюсь, сейчас говорите про ведьму, получившую титул Верховной Жрицы и высшего демона, что устроил охоту на священников? — уточнил Медичи.

— Скажите, вам когда-нибудь доводилось слышать про орден Ткачей?

Вместе с вопросом на стол была поставлена еще одна фигура: король, по внешнему виду напоминавший шахматного, но с одним отличием. Фигура была отлита из металла, скорее всего, из меди. Король занял свое место на противоположной стороне от ферзя, пешки и ладьи.

Магистр нахмурился:

— Ткачи? Речь, видимо, идет о некой производственной гильдии?

— Мастерство шитья здесь совершенно ни при чем, — покачал головой Зодиак. — У этого ордена немного иные задачи. Они перекраивают не ткань, а целые миры. А если заблагорассудится, то результат их деятельности способен выйти за пределы нашего понимания.

Подняв голову, Зодиак с грустью уставился на искусственные планеты, что повисли над столом, словно защитные обереги. Сквозняк, гулявший по огромному залу, медленно раскачивал мир, напоминавший клубки ниток, переплетенных стальными осями.

— Самое ужасное, что нам совершенно не известны их помыслы, — тяжело вздохнул Зодиак. — Они освободили Первую ведьму, что была заточена в башне Приората. Совершили нападение на зал правосудия близ Неаполя. Осуществили покушение на Иннокентия VIII. Если бы только узнать, какие цели они преследуют, можно было бы определить их следующий шаг.

— Но кто они такие? Откуда взялось такое могущество? — возмутился магистр.

— Полагаю, что ткачи — такие же люди, как и мы с вами. А по поводу их возможностей... скажу так: бытует мнение, что они родом не из нашего мира.

— Немыслимо! Нет, я неправильно выразился, — быстро поправился Медичи, — это просто невозможно!

— Как и присутствие Дьявола в нашем мире, — кивнул Зодиак. Его блуждающий взгляд вновь нашел медную фигуру. — Мы можем очень долго и бессмысленно рассуждать о принципах бытия. Но в моем возрасте принято ценить собственное время. Оно и впрямь становится дороже золота. Так что предлагаю не философствовать, а обсудить имеющиеся у нас факты. И главный из них: Первая ведьма покинула Вольтерру. Наши соглядатаи отчитались, что она

⁶ Красноголовый королек (Regulus ignicapillus) — маленькая птица, которая обитает в Италии.

движется на восток. Ее обоз с големами был замечен близ Павии. Но не так давно мы узнали, что она резко сменила маршрут и оказалась уже на южном направлении. Информация проверенная, поэтому обсуждать ее не имеет никакого смысла. А вот поговорить о причинах, которые заставили ту, что носит Черный титул, очутиться в противоположной части Неаполитанского королевства, очень даже уместно. Никак не возьму в толк: что она забыла в Апулии?

— Бежит подальше от Ватикана, — недовольно буркнул Уран.

— Или, наоборот, преследует кого-то, — предположил магистр.

В зале воцарилась тишина. Послышался шелест крыльев, и под потолком замелькала крохотная птица. Голубь спланировал вниз и уселся на спинку стула главы Совета. Белый, с темным пятном на голове, напоминающим пилеолус⁷. К лапке птицы была привязана капсула.

Зодиак извлек послание на скрученном листке бумаги. Он прекрасно знал птиц, которые принадлежали великому инквизитору Верона. Письмо оказалось достаточно коротким и содержало одну фразу: «*Аббатство Лучедио*».

Отложив послание в сторону, Зодиак проследил за тем, как голубь взлетел и выпорхнул в приоткрытое окно. Члены Совета молчали. Великий инквизитор в очередной раз удивил своих противников, подкинув им пищу для размышлений.

— Проклятое аббатство? — шепотом произнес магистр. — Получается, туда следует Первая ведьма? Но откуда это известно великому инквизитору?

— Меня больше волнует другой вопрос... — Воительница сверкнула очами. — Почему Верона решил оказать помощь ордену Привратников и поделиться с нами ценными сведениями?

— Жертва! — внезапно произнес Плутон.

Все взгляды устремились на монаха. Он указал на одну из шахматных фигур в руке Зодиака и принялся объяснять:

— Это называется гамбит. Пожертвовать одной фигурой ради победы в партии. Скорее всего, Верона решил отдать нам на откуп обладательницу Черного титула, чтобы выйти победителем. Она ему больше не нужна, и он сообщает ее конечный маршрут, чтобы мы смогли устроить засаду.

— Вот так вот просто?! — охнул магистр. — А почему вы не рассматриваете это послание как ловушку? Об этом месте ходят дурные слухи!

— Слухи в нашем деле — дорожная пыль, — фыркнула Луна. — Но аббатство и впрямь носит славу гиблого места. Особенно после того, как там пытались усмирить демона, которого впустил в свои стены настоятель.

Послышался странный монотонный стук. Зодиак задумчиво бил медной фигуркой короля по столу, словно пытался выбить правильный ответ из деревянной поверхности. Внезапно стук прекратился. Зодиак поднял взгляд на присутствующих.

— Магистр, вы же были со мной там, в Вольтерре, когда впустили в обеденные покои странствующего монаха. Напомните, как его звали?

— Роберто. Роберто Беллармина, — осторожно ответил Медичи.

— А разве не он рассказывал нам, что является тем выжившим послушником, который усмирил демона в аббатстве Лучедио? — вновь спросил Зодиак.

Взгляд магистра стал задумчивым, а потом внезапно просветлел, и он быстро закивал:

— Именно так. Его слова. Слова кардинала Торквемады, которым управляла Первая ведьма.

Пауза оказалась долгой. Настолько, что думалось, будто она уже никогда не закончится. Но тишину все-таки прервал протяжный кашель. Зодиак уставился на магистра и осторожно начал:

⁷ Головной убор священника.

— Я прекрасно понимаю, что не могу вас об этом просить...

Медичи резко прервал говорившего:

— Согласен.

Покинув свое место, магистр встал в полный рост и, словно рыцарь, дающий клятву, заявил:

— Обязанность платить по долгам, возникшим ввиду определенных обстоятельств, — это железное правило каждого из рода Медичи. А вам я обязан по меньшей мере жизнью. И это лишь одна из причин, по которой я не откажу вам, какой бы ни была ваша просьба.

— А разве есть и вторая? — удивился Зодиак.

— Безусловно... — кивнул магистр и внезапно запнулся. Его голос заметно потух, и продолжил он слегка смущенно: — Я, как магистр ордена Иезуитов, к великому сожалению, не справился с возложенными на меня обязанностями. Смерть кардиналов, отдавших жизни в стенах Вольтерры, на моих руках. И я не успокоюсь, пока не поквитаюсь со злом, что посягнуло на Святой Престол.

— Вы все еще надеетесь спасти кардиналов, что заточила в проклятый камень Первая ведьма? — поразился глава Совета.

— Вы весьма прозорливы.

— Что ж, надежда — достаточно весомый ориентир. Придерживайтесь его как путеводной звезды, и, возможно, она дарует вам шанс добиться желаемого. А для начала вам необходимо будет отправиться в аббатство Лучедио в сопровождении Плутона и Венеры. Они помогут разобраться в ситуации. А я буду ждать от вас добрых вестей. Да осветит вас путеводная звезда!

Зал быстро пустел. Когда последний монах, названный в честь планеты Меркурий, собиравшись закрыть дверь, его опередила воительница и, развернувшись, быстрым шагом направилась обратно к столу.

— Тебя что-то беспокоит? — обратился к ней Зодиак.

— Башня Ангелов, — только и смогла вымолвить Венера.

Взгляд старика наполнился тревогой. Он кивнул, виновато опустив глаза.

— Он называл себя фона...

— Люцифер, — резкий голос старика прервал речь воительницы. — Люцифер — так именуют его смертные. И не столь важно, какое имя Падшему дали наши предки и как станут именовать его потомки. Для нас он всегда был и остается верховным демоном, младшим братом Сатаны.

— Он сказал...

— Да, я знаю, что он сказал тебе про наших братьев, которые стали жертвой этой безумной игры. И я с удовольствием обсудил бы с тобой их судьбу, если бы нас так сильно не подгоняло время.

— Дело в том, что он не только говорил со мной... — осторожно произнесла Венера.

— Было что-то еще? — поразился старик.

— Да, он показал мне... открыл будущее, — кивнула воительница. Ее голос наполнился волнением, а до этого с ней никогда такого не бывало. — Возможно, это был всего лишь морок. Но я не уверена.

Лицо Зодиака сделалось мрачнее тучи.

— Расскажи, что ты видела?

— Моему взору открылись города... — сказала Венера и замолчала, пытаясь собраться с мыслями. Сдвинув брови к переносице, она внезапно осознала: она мало что помнит, словно видение было ночным кошмаром, который с пробуждением мгновенно улетучился, оставив после себя незримый страх чего-то неведомого. — Города... они были поглощены огнем. Как Вольтерра, когда мы покидали ее. А еще люди... много людей... Они двигались медленно вере-

ницей. При этом вели себя спокойно, даже слишком спокойно. Я не слышала криков или мольбы о помощи. Они просто двигались друг за дружкой, вытягиваясь в бесконечную цепь.

— Это были лемуры? — догадался Зодиак.

— Не знаю, возможно, — отрешенно кивнула воительница. — Они покидали горящие города и устремлялись в бесплодные земли, где властвовали суровые ветра. И я не знаю, куда вел их путь, но мне удалось увидеть, где находилась конечная точка. На берегу высохшего озера я узрела великанов, чьи тела были подобны человеческим, но гораздо больше размерами. А еще у них оказались треугольные головы. Металлические шлемы с витиеватыми узорами. Но я точно знала: речь идет не о защите. Это был их истинный облик. Именно такую причудливую форму они имели. А еще они были вооружены длинными и похожими на пилы мечами. И лезвия этих мечей казались темными от крови, потому что люди, которые пришли к пустынному берегу, погибали прямо здесь, на холме, а их тела сбрасывали в пустоту огромной ямы. Я видела это собственными глазами, и у меня нет сомнений, что настанет день и час, когда это случится.

Луна хотела сказать еще что-то, но не смогла. Ее голос дрогнул, слезы покатались по щекам.

— Присядь, — произнес глава Совета и, придвинув стул, протянул воительнице чашу.

Сделав глоток, она грустно улыбнулась. Фенхель, ревеня и можжевельник делали напиток немного горьковатым, но от него сразу становилось как-то теплее и спокойнее.

— Запомни: лишь доводы разума помогут тебе в поисках истины. А время все расставит по своим местам.

Глава 5. Занавес

Эсмеральда смотрела на окровавленные руки и не могла унять охватившую ее дрожь. Она закрыла глаза, глубоко вдохнула. Не помогло. В абсолютной тишине было хорошо слышно, как бьется ее сердце. Словно набат. Монотонно. Оглушающе. Открыв глаза, наемная убийца посмотрела на тонкие пальцы — кровь никуда не делась. Но почему? Ведь она еще вчера смыла ее с себя. Несколько часов она отмокала в кадushке в совершенно ледяной воде. А когда проснулась утром, на тыльной стороне ладони вновь возникли багровые следы недавней расправы.

Веки стали тяжелыми — женщина вновь погрузилась в темноту, прислушиваясь к тревожной тишине. К биению сердца прибавились звонкие механические щелчки. Руку обнял медный браслет, заработали шестеренки. Ужасный механизм, который теперь дополнял ее, являясь неотъемлемой частью тела. По спине пробежало змейкой нечто длинное, на крохотных ножках. На втором запястье раздался еще один щелчок. Браслет синхронизировался с телом.

Еще никогда в жизни Эсмеральда не испытывала отвращение от собственных поступков. И не так важно, кто становился ее жертвой. Никаких сантиментов и прочих соплей, это всего лишь работа. Кто-то разделяет мертвые тела на прозекторском столе, а кто-то снабжает патологоанатомов клиентами. Каждому, как говорят в таких случаях, свое. Так и было до недавнего времени. Что же изменилось?..

Эсмеральда, а точнее, Анастасия Матвеевна Каллас, попыталась прислушаться к собственным ощущениям. Другое время давило на нее, как неудобная одежда. Только вот почему? Такой же заказчик, такая же работа. Разве что способы убийства стали изощреннее. Но разве это для нее помеха?

Анастасия всегда была интровертом. Еще со школы не любила общество и шумные компании, отсюда и увлечения — шахматы, биатлон, но основное — математика. Потом медицинский институт. И резкая смена профессии.

Конечно, Анастасия не планировала становиться наемной убийцей. Но политические, вернее, социальные изменения сыграли с ней злую шутку. Однажды на ее операционном столе

оказался убийца. Его обвиняли в насилии и последующей расправе над девочкой лет семи. Тогда родители слезно умоляли Анастасию оказать ему помощь с нарушениями, проще говоря — совершить ошибку во время операции. И предлагали деньги. Все, что у них было. Врач отказалась, но впервые в жизни задумалась о том, что мир неидеален. А через полгода, когда ее пациент покинул больницу абсолютно здоровым, его освободили. Следствие не нашло доказательств, а искусственный интеллект, заменивший присяжных, вынес оправдательный приговор.

Анастасии не хотелось верить в систему, которая дала сбой. Правосудие должно быть справедливым! Но мир рушился на глазах. Сделав выбор, она совершила ошибку, возможно, гораздо хуже, чем программа, освободившая убийцу. Потом было увольнение и долгие терзания, которые привели к нервному срыву. Анастасия пыталась исправить собственную ошибку. Вернулась в больницу. И, когда ей представился новый шанс установить справедливость, не стала отказываться.

А потом для нее это стало профессией.

Вынырнув из воспоминаний, женщина задумчиво улыбнулась. Точнее, попыталась это сделать. Улыбка вышла какой-то натянутой, вымученной. Вспомнился первый клиент, за устранение которого она получила вознаграждение, — один из армейских генералов. Выстрел вышел на загляденье. Прямо в сердце. Цель была далеко и хорошо просматривалась, но при этом находилась в движении. Устранить при таких исходных не так-то легко. Но новичкам в большинстве случаев, как показывает практика, везет.

Эсмеральда вздохнула. Куда же улетучилось это удивительное чувство легкости, когда она без лишних слов бралась за дело и, завершив его, получала истинное удовлетворение, сравнимое с оргазмом? Впрочем, наверное, оргазм все-таки действительно присутствовал. Особенно когда Анастасия понимала, что оборвала жизнь очередного ублюдка, которому не место в нормальном обществе. Но то, что произошло вчера, не укладывалось в ее жизненные постулаты. Получается, она совершила ужасную ошибку!

— Мы можем поговорить? — раздался осторожный голос Леонардо.

Эсмеральда не удивилась. Она уже давно чувствовала чужое присутствие и лишь ждала, когда хозяин проявит себя.

— Я не против.

Молодой мужчина скользнул по комнате, словно беззвучная тень, и осторожно присел, заняв глубокое бархатное кресло.

— Зачем вам были нужны эти невинные люди? — спросила Эсмеральда. Ее голос дрогнул. — Зачем?! Они никому не причинили вреда. Но ваши механизмы... они не дали им шанса на спасение!

Вместо ответа Леонардо зажег свечи. Поставил их напротив огромного зеркала, подошел к соседнему столу и взял в руки второй подсвечник. Прошелся по комнате и поставил его напротив другого зеркала. Лишь после этого странного ритуала он вернулся к Эсмеральде.

— Я хочу тебе кое-что продемонстрировать. Думаю, тогда тебе многое станет ясно, а на собственные поступки ты посмотришь под иным углом. — Леонардо привлек ее внимание, слегка сместив мутное отражение в сторону. Получился удивительный эффект: зеркало внутри зеркала и множество свечей. Но каждое последующее отражение было меньше предыдущего. — Это называется *спекулярити*. Нам кажется, что отражения удаляются. Это потому, что свет на самом деле преодолевает то расстояние, которое уже пройдено.

— Мне не очень интересны оптические явления. Я требую, ответьте, что вы искали в соборе Санта-Мария-Ассунта? Что за находка требовала таких ужасных жертв? — не дождав-шись ответа, задала следующий вопрос Эсмеральда.

— Книгу, — спокойно произнес Леонардо. И продолжил: — Прошу вас, дослушайте. Подобный эффект играет злую шутку не только с нашим зрением, но и с поступками. Чем больше мы их совершаем, тем меньше видим смысла.

— Решил надо мной поиздеваться?!

— Отнюдь. — Собеседник отставил зеркало в сторону и, глубже погрузившись в кресло, с задумчивым видом потер щеку. — Механизм, который мы запустили, очень важен для этого мира. Но эффект от наших действий может исчезнуть, если мы не доведем дело до конца. Отодвинь свечу в сторону — и цепь пропадет.

— Что за книгу вы искали в соборе?

— Какая ты неугомонная. Хорошо, я скажу. Это гаруспические труды этрусков, — ответил Леонардо. — И раз уж мы сменили тему нашего разговора, слушай. Маятник этого мира уже качнулся. И нам необходимо сделать следующий ход, чтобы окончательно стереть новую религию с лица земли, возродив предыдущую цивилизацию. Понимаешь? Это... как бы тебе объяснить... своего рода перезагрузка.

— Перезагрузка чего? — не поняла Эсмеральда.

Леонардо улыбнулся. Широко, по-отечески. Но его крохотные глаза при этом продолжали оставаться холодными и отрешенными.

— Перезагрузка этого мира. Ну представь: это все равно что вернуться после системной ошибки к предыдущей версии программы и начать не заново, а с определенной точки. Наш Навигатор миров долго просчитывал возможности и, наконец, остановился на этрусках. Иных вариантов нам предложено не было. Посуди же сама! Здешные цивилизации довольно хлипкие. Римскую империю уничтожил формализм, впрочем, как и Греческую. Германские и славянские народности слишком нестабильны по шкале Кардашёва. А если вернуться к базису, то церковь — в ее-то искаженной здесь форме! — укоренила удручающее положение, превратив период Средневековья в вечную охоту на ведьм. Если взять империю или Грецию, религия для них была вторична. Отдав власть Ватикану, мы получили еще более плохой вариант чванливого, разрушающего себя общества. А этрусская цивилизация, по нашим расчетам, имеет наиболее правильный структурный порядок для zdeшнего мира.

Взгляд Эсмеральды сделался растерянным. Ей было трудно уловить главный смысл, что пытался донести Леонардо. Поэтому она спросила первое, что пришло ей в голову:

— Но как вы собираетесь это сделать? Как вы хотите заменить одну цивилизацию другой?

— Очень просто. Мы сотрем с лица земли культ церкви и вернем жрецов в их прежние чертоги. Религия этрусков намного проще, поскольку она основывается исключительно на искусных гаданиях.

— Просто сотрете... — повторила женщина. — Вы считаете, уничтожить и возродить цивилизацию можно по щелчку пальцев?!

— Конечно, проще простого, — ответил Леонардо. И он не шутил. По всей видимости, у него и компаньона, именовавшего себя Микеланджело, был четкий план, как это сделать быстро и эффективно. И в этом плане не было места препятствиям. — Но перед тем, как построить что-то новое, мы должны расчистить площадку под строительство. Согласна?

— Стерев всех и вся с лица земли?

— Зачем же всех... — нахмурился собеседник. — Достаточно лишь разрушить храмы, закопать древние статуи и в скором порядке возвести новые. Пауз у верований быть не должно. Поэтому нам и необходимы книги великого народа. Без них система будет неполноценной: слишком много пробелов. А восполнить их нам поможет главная книга этрусков.

— Но зачем было убивать монахов-переписчиков? Чем они могли вам помешать?! — повысила голос Эсмеральда, сорвавшись на крик. И, вытянув руки, продемонстрировала медные браслеты на запястьях. Именно они сделали за нее всю грязную работу, отняв жизни у десяти слугителей собора.

— Лишние свидетели наших деяний не нужны в таком серьезном деле, как Орбитальная репарация, — равнодушно заявил Леонардо. — Тем более что твой образ Первой ведьмы, в котором ты явилась в собор, послужил своего рода катализатором давнего конфликта. Запомни: руины сами собой не появляются! Тьма и свет должны сойтись в решающей битве и расчистить поле для новых всходов.

— И кто же из них победит, по-вашему?

— Мы, конечно, — со всей уверенностью объявил представитель ордена Ткачей. — Всегда и во всем побеждает прогресс. А люди есть и остаются расходным материалом.

Ей было позволено не так много. Например, перемещаться по огромному трехэтажному дворцу, который назывался палаццо Дуко и больше всего напоминал крепость, хотя и имел чудесные сводчатые окна. Все же при всей своей строгости и массивности Дуко не являлся оборонительным сооружением. Дворец, словно статный вельможа, был ярким образчиком готического искусства с примесью арабо-норманнских элементов.

На его территории располагался небольшой тенистый сад, куда Эсмеральда спускалась трижды в день. Ненадолго. Ровно на двадцать минут. А когда песок в песочных часах заканчивался, медный робот-поводырь, как она его прозвала, сигнализировал о том, что прогулка завершена. И пленница без лишних разговоров возвращалась обратно в крепость, где ей предстояло готовиться к своей следующей роли на импровизированной сцене, устроенной двумя странными компаньонами.

Но сегодня у Эсмеральды было чуть больше времени. Леонардо вручил ей песочные часы с огромной колбой и загадочно улыбнулся, указав на солнце, которое было почти в зените.

Женщина шла вниз по тропинке, окруженной цветущими кустами, пальмами и карликовыми деревьями. Вскоре она остановилась возле небольшой каменной постройки, обошла ее по кругу и решила повторить маршрут вдоль палаццо еще раз. Рядом семенило механическое существо, на спине которого были установлены песочные часы. Выглядело оно довольно дружелюбно, но Эсмеральда знала, что это лишь обманчивая оболочка. Не больше того. В случае необходимости оно безжалостно уничтожит любого, кто проявит к нему явную агрессию. Машина не имеет души, а значит, выполнит четкий приказ согласно имеющемуся алгоритму.

Внезапно взгляд Эсмеральды привлек пушистый куст гортензии. Она приблизилась к цветку, склонилась и вдохнула приятный нежный аромат. Поводырь, стоявший от нее в паре метров, нервно затопал четырьмя лапами. Песка в верхней колбе оставалось еще на четверть.

— Не торопись, время есть, а я хочу еще немного насладиться свободой.

Ее взгляд скользнул вдоль деревьев в направлении невысоких металлических ворот чернойковки. Двадцать шагов и десять, максимум пятнадцать секунд — она на свободе. Нет, для начала надо будет расправиться с этой механической тумбочкой, что сопровождает ее словно преданная собачка. Необходимо накинуть еще полминуты. Хорошо, а что дальше? Каковы шансы, что побег окажется удачным?

Скорее всего, они равны нулю. И это лишь вопрос времени. Сколько ей удастся продержаться? День-два бесконечных перебежек и выбора нового укрытия? А что потом?.. Нет, для нее не будет «потом». Второго шанса Микеланджело ей не даст. Даже если она предложит искупить свой поступок кровью. Люди с подобным эмоциональным фоном не способны к проявлению эмпатии. Все происходящее вокруг нынешний заказчик считает игрой. Так что он без лишних эмоций расправится с одним исполнителем и тут же найдет себе другого. Незаменимых людей в таком деле не бывает!

Взвесив все за и против, Эсмеральда все-таки решила рискнуть. Дело будет непростое, а возможность провала велика. Но когда это ее останавливало?

Обернувшись, пленница заметила среди деревьев скромную женскую фигуру в монашеском одеянии.

Сестра Пруденция. Кажется, так звали эту несчастную.

Закрыв глаза, убийца вспомнила ту безумную ночь, когда она проникла в собор под чужой личиной. Почему они сопротивлялись? Почему просто не сбежали, сохранив собственные жизни?

Безумие! Вопросы, которые не имели ответов, грызли ее. И от этого становилось только хуже. А теперь еще этот морок. Сестра Пруденция являлась к ней уже дважды. Первый раз ее образ возник возле палатки и был хорошо виден из окна. Второй раз Эсмеральда увидела монахиню в трапезной.

Нахмурившись, женщина сделала осторожный шаг к призраку. Монахиня не шелохнулась. Тогда Эсмеральда совершила еще одно движение. И вновь никакой реакции.

Отсюда, с расстояния в тридцать шагов, можно было без труда рассмотреть одежду и испачканные кровью руки Пруденции. Нет, это не могло быть обманом... Перед Эсмеральдой действительно стояла монахиня, которая уже сутки была мертва. Браслет на руке пленницы откликнулся легким покалыванием. Неужели неведомый механизм способен реагировать на присутствие призрака?

Сигнал усилился. Эсмеральда резко обернулась и увидела еще несколько монахов — мрачные безликие фигуры, перепачканная кровью одежда. В центре стоял отец-настоятель. Он сопротивлялся дольше остальных, за что и лишился головы. Опустив взгляд, Эсмеральда уставилась на браслет, из которого торчало длинное тонкое лезвие. Удивительно смертоносные технологии. И вновь они среагировали на движение, готовые резать и терзать.

Покалывание усилилось. Механизм гнал пленницу вперед, вынуждая проявить свои лучшие качества и прогнать странный морок, направив на него медные иглы.

«Убей! Убей их всех, не дай им завладеть твоим разумом!» — раздалось в голове пленницы.

Подняв руку, Эсмеральда указала лезвием на монахиню:

— Отвечай, что тебе надо?!

Монахиня осталась нема.

«Она не ответит. Мертвецы не болтают лишнего», — подсказал механизм.

Эсмеральда вздрогнула. Она не была готова к тому, что ее видения окажутся реальностью. Раньше наемную убийцу никогда не терзали угрызения совести. Но сейчас что-то изменилось. А изменения эти начались после того, как она оказалась на воображаемой исповеди.

— Кому говорю?! Убирайся! Ты мертва! Слышишь?! Мертва! — прорычала Эсмеральда.

Ее рука дрогнула, когда монахиня шагнула к ней. И, словно по команде, так поступили и все остальные мертвецы.

Браслет на правой руке теперь не просто покалывал, а рвал на части запястье, сигнализируя об опасности.

А вдруг это все иллюзия? Очередная проверка компаньонов, к которым она поступила в услужение?

Мысль была странной, но какой-то правильной. Казалось, сейчас она попытается убить сестру Пруденцию второй раз. И случится это так же легко и невинно, как было вчера. Эсмеральда направит лезвие на монахиню, а мир вокруг застынет, словно во льду. Затем вспыхнут яркие огни софитов, послышатся громкие аплодисменты, последним возникнет алый занавес. Тогда на сцену неспешно поднимется высокий и несурзанный Микеланджело.

Но представление, которое непонятно кто устроил для Эсмеральды, продолжалось по иному сценарию. Монахиня уже была совсем близко. Остановившись на расстоянии вытянутой руки, она подняла голову. Землистое лицо, вместо одного глаза — пустота, порванная губа и свернутый набок нос. Нет, это никакое не представление! Это реальность!

Вдруг кто-то коснулся плеча Эсмеральды. Она резко обернулась, отвела назад локоть, чтобы атаковать. И замерла. Перед ней возник образ Китобоя в монашеском одеянии. Стиснув зубы, женщина хищно улыбнулась. Вот и настал момент расплаты!

— Стой!

Мужской голос заставил ее замереть. Лезвие остановилось возле глаза, но не глаза Китобоя, а невысокого плечистого мужчины.

Пес ощутил, как внутри вспыхнул внезапный страх и лопнул, словно ржавые оковы. Он смотрел на свою спасительницу, пытаясь угадать, что за сила кроется внутри этой хрупкой женщины.

Раздался звон колокольчика. Эсмеральда опустила голову. Колба с песком была пустой — время вышло, пора возвращаться в палатку.

— Тебя зовут. У нас намечается новое представление, — тихо произнес Пес.

— Скоро буду, — кивнула убийца из другого времени.

Обернувшись, она медленно посмотрела по сторонам. От недавнего морока не осталось и следа.

Глава 6. Капкан

— Легкого пути тебе, добрый человек, — поприветствовал путника сутулый мужчина, что крепил на невысокую постройку изящный металлический крест, напоминавший куст пышных роз.

— Благодарю на честном слове, — откликнулся Спирито.

Мужчина слез с деревянной лестницы и, вытерев руки о грязную ветошь, приблизился к калитке. Пристальный взгляд внимательно изучил путника с ног до головы: дорожный мешок, плащ, но главное — рубаха с крохотной вышивкой креста.

— Удивительное дело, а я думал, что глаза меня подвели, — произнес хозяин, ткнув пальцем в знак Христа на одежде путника. — Нечасто встретишь в нашем захолустье пилигрима.

— Отчего так?

— А потому как святых мест в наших краях ни на грош. А если и попадаются проездом такие, как ты, так только по причине собственной дури или еще какого умственного изъяна. Хотя, как по мне, не так уж и важно, каким богам гнуть спину.

— Но вы, по всей видимости, окончательно определились с оберегом, — сказал путник и указал на металлический крест, что уже был установлен над входом в главный дом.

Хозяин обернулся, кивнул и тяжело вздохнул:

— Не скажу, что я окончательно уверовал. Да только куда ж деваться в нынешних-то обстоятельствах? У кого просить защиты? Ведь всем вокруг плевать на тебя и твои заботы, как говорится. Вот и приходится прибегать к методам, что еще бабка моя использовала против зла и мрака.

— Что же у вас такого приключилось? — поинтересовался Спирито.

— Да вот приключилось. У меня, впрочем, самую малость, а по соседям беда prošлась хорошенько, так что встать захочешь — не выйдет.

— Да поможет им в тяготах святой Януарий, — быстро ответил путник, но осенять себя знаком Спасителя не стал.

Приблизившись к забору, хозяин дома посмотрел по сторонам и, поманив к себе пилигрима, тихо, но очень четко произнес:

— Шел бы ты отсюда стороной, покуда всю свою святость не растерял.

Но путник продолжил упрямо стоять на месте.

— Шагай отсюда, кому говорят, а то стражей кликну! Не посмотрят они на твой благородный вид да всыпят по первое число, дабы не ошивался среди добропорядочных селян, — пригрозил ему хозяин.

Вместо споров и оправданий путник обернулся и, встав в направлении дороги, спросил:

— Скажи, уважаемый, а то пугало, что стоит в поле, много ли приносит пользы? — Спирито указал на пшеничное поле, где виднелась жердь крестом и набитая соломой рубаха, над которой возвышалась дырявая тыква.

— О чем это ты?

— Есть ли толк от этого пугала, спрашиваю я тебя? Или мальчишки, что гоняют ворон, барабана деревянными палками и трещотками, сохраняют твои всходы лучше?

— Мальчишки? — продолжил недоумевать хозяин.

— Именно так. А знал ли ты, что еще сотню урожаев назад на поля ставили статую Приапа, языческого бога плодородия с огромным фаллосом, покровителя и спасителя урожая? Так вот как ты думаешь: он спас людей от великой засухи и десятилетнего голода, что случился в те самые времена? Не утруждай себя ответом. Нет, не спас.

Выражение лица хозяина дома приобрело некую настороженность:

— Не пойму, к чему ты клонишь, незнакомец, но скажу прямо: уж слишком твои слова пахивают ересью!

— Да я все рассуждаю про защиту на стенах твоего дома. Выглядит она хоть и внушительно, но совершенно бесполезна. А если хочешь реальной помощи, так стоит обращаться к живым, а не лепить повсюду знаки и символы мертвого бога.

Слова показались хозяину толковыми, но он не спешил довериться странному бродяге, что случайным образом остановился возле его дома.

— А чем же мне, интересно знать, помогут живые? — поинтересовался хозяин. — Ну против силы или несправедливости, думаю, еще куда ни шло. А если речь о ведовстве, к примеру, к кому обратиться? Люди, как о таком слышат, двери на засов запирают. А дьякон Ориго, что бывает в нашем поселке каждую пятницу, отмахивается от подобных вопросов как от чумы.

— И кто ж у вас ведовством промышляет?

Лицо путника оставалось беспристрастным. Никаких эмоций, словно восковая маска, прямо как у пугала с соседнего поля.

— Если бы я знал, уж давно бы народ собрал. А так беда кругом ползет, а вот откуда... Оттого и навешиваешь на себя обереги и кресты, надеясь, авось поможет! Но ты вот говоришь, что нет в этом толку. А что же тогда делать? Куда не плюнь, несчастья-то множатся. Соседи, погляди, даже окна загородили, когда у них третий пес на цепи издох.

Путник понимающе кивнул:

— Что-то еще?

— С Дарио, местным купцом, и то несчастье приключилось. Неподалеку на холме он жил. А намерен купаться пошел. Понятно, что Феррагосто⁸ уже отгуляли и лето вроде как закончилось. Но кто ж у нас по строгим канонам живет? Так вот, Дарио, стало быть, искупался да домой засобирался, и тут его словно подменили. Что-то узрел он в воде и кинулся с берега плыть в глубину. А как до середины добрался, так и потонул.

— Чего же тут удивительного! Ключи подводные сейчас ледяные. Может, ногу свело или воронка закрутила, — предположил Спирито.

— Родные так и объявили, — кивнул хозяин. — Но не верится что-то мне. Не такой человек Дарио был. Он здесь с самого детства жил. Все гиблые места знал как свои пять пальцев. Не мог он так глупо сгинуть. Нет, тут кое-что другое приключилось.

⁸ Праздник, который отмечают итальянцы 15 августа.

Путник впервые за разговор изменился в лице. Он картинно сдвинул брови и с внимательным видом продолжил спрашивать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.